

Глава 1

Белые хлопья снега медленно опускались на голову и плечи, слой за слоем укрывая тело холодным саваном. Движения не было, тепла — тоже. В ледяном безмолвии заброшенных холмов, где весь мир слился в едином цвете, подросток сидел, скрючившись подле сухого дерева. Он глубоко спрятал руки в рукава и крепко обхватил колени, пытаясь удержать последние крохи угасающей жизни. Снег, тяжелый и безразличный, заносил его ноги, а порой срывался с дрожащих, едва живых ветвей, добавляя веса этой белой могиле.

Янь Шэнь не знал, бьется ли еще его сердце. Ему нужен был воздух, но ледяная корка почти запечатала рот и нос. Он понимал: стоит лишь смахнуть снег от лица, и дышать станет легче. Но холод уже лишил его чувств и сил. Янь Шэню казалось, что даже веки его покрылись льдом, а тело, начиная с кончиков пальцев, стало чужим — тяжелым и неподвижным...

Вокруг царили лишь тьма и тишина. Свиристая стужа выпила все ощущения, и только редкое, едва заметное урчание в животе напоминало о том, что он еще жив.

В туманном забытии он перебирал в уме всех, кто мог бы прийти на помощь: от родного отца до слуг, чьи лица едва мелькали перед глазами в прошлой жизни. Но снег становился всё тяжелее, и вместе с ним на грудь ложилось свинцовое отчаяние.

Ему было всего четырнадцать, но он уже смутно догадывался, что эта мука вот-вот достигнет предела. И тогда смерть принесет освобождение. Когда-то, будучи изнеженным молодым господином, он думал о смерти как о чем-то далеком. Сидя на крыше вопреки запретам нянек и служанок, он смотрел в небо и предавался праздным фантазиям. Теперь же, когда он по-настоящему коснулся небытия, оказалось, что нет никакой разницы, как именно уходить.

Он никогда не представлял себе облик смерти, но сейчас чувствовал, как она заключает его в свои объятия.

Зрение угасло. Осязание исчезло.

Смолкли звуки. Замерли мысли.

Лишь слух всё еще улавливал тихий шелест падающего снега — успокаивающую мелодию для него одного.

Постепенно затихла и она. Погребальная песня подходила к концу.

«Это всё? Я...»

День-день. Финальный аккорд траурной музыки отозвался неровным перезвоном серебряных колокольчиков.

Хруст-хруст. Кто-то медленно шел по снегу, оставляя за собой глубокие следы.

Когда оба звука смолкли совсем рядом, Янь Шэнь с трудом приоткрыл глаза. Сквозь узкую щель век он увидел лишь пару сапог под подолом из грубой ткани. В этот миг простая одежда, на которую прежде он и не взглянул бы, в лучах зимнего солнца показалась ему ослепительно прекрасной.

Прошло мгновение — или целая вечность. Колокольчики звякнули чуть громче, и теплые руки начали осторожно смахивать снег с его лица.

Кто этот человек? Почему его руки такие теплые?

Кто он? И почему звон его колокольчиков звучит так сладко?

Янь Шэнь не желал сдаваться. Собрав последние силы, он вскинул голову и взглянул на незнакомца.

Тот единственный взгляд, то обычное, ничем не примечательное лицо навсегда врезались ему в память.

«На лице моего спасителя... — сознание Янь Шэня начало угасать, фигура перед ним словно отодвинулась вдаль, но одна деталь, врезавшаяся в память, никак не желала исчезать. Мальчик качнулся и провалился в темноту, взметнув горсть снега, —...прилипло зернышко риса».

То было семь лет назад.

Цзянье. Западный рынок

Если и была на свете обитель истинной роскоши, то имя ей — столица. А если и было в столице место, где суэта и шум достигали своего апогея, то это Западный рынок. И среди этого бурлящего человеческого моря, в «Тереме Пьяного Коршуна», застыл молодой человек в дорогих шелках. С нетронутым кубком вина в руках он неподвижно стоял у окна, взирая на бесконечный поток людей и повозок внизу.

С того момента, как юноша поднялся на верхний этаж, он не присел ни на миг. Вино в его кубке не убавилось ни на каплю. Его острый, словно у ястреба, взгляд был прикован к рыночной площади.

В прозрачном напитке отражалось его лицо — изысканно красивое, но искаженное сложной гаммой чувств. Тонкие брови были вздернуты, на лбу пролегла глубокая складка, он плотно сжал губы. В его облике читалась тень радости, капля обиды, малая доля нетерпения... и безбрежная, кипящая ярость. Случайные свидетели не могли понять, что именно так разгневало этого знатного господина, и невольно прослеживали его взгляд, пытаясь отыскать причину.

Но под лучами солнца расстилался лишь обычный, ничем не примечательный рынок.

Внезапно со стороны лестницы донеслись быстрые шаги. К юноше подошел человек в одежде стражника и негромко доложил:

— Господин Цзайсян, всё готово. Мы окружили цель.

Молодой Премьер-министр холодно усмехнулся, глядя на человека в толпе, который и не подозревал о грозящей опасности. Тот беззаботно стоял у лотка, с улыбкой беседуя с какими-то кумушками.

Этот мужчина, на вид лет двадцати семи-восьми, выглядел как типичный книжник. Перед ним были разложены свитки, картины и веера: от строгих пейзажей для ученых мужей до расписных безделушек для дам. Подле лотка висел бумажный зонт и дорожная тыква-фляга. Обычный бродячий художник — и только.

Когда Янь Шэнь получил донесение, он поначалу не поверил. Тот, кого он тщетно искал долгих семь лет, тот, кто исчез бесследно, — неужели он посмел вернуться в столицу, даже не изменив лица?

Но теперь, глядя на него, Янь Шэнь понял: эти простые, добродушные черты и были самой безупречной маскировкой.

— Господин Янь? — негромкий голос Чэнь Кэ, командира стражи, прервал его раздумья.

Больше не было нужды медлить. Янь Шэнь единым глотком осушил кубок и, не сводя глаз с цели, бросил короткое, резкое:

— Взять его.

Семь лет поисков. Семь лет бесконечных размышлений. «Зачем ты спас меня в снегах, передал на попечение чужим людям и сбежал? Почему скрылся под чужим именем, заматавая следы?»

Наконец-то этот запутанный клубок будет распутан. От этой мысли ярость на его лице немного поутихла.

Этим юношей был Янь Шэнь. Тот самый мальчик, чья семья была казнена по ложному обвинению. Единственный выживший, бежавший в зимнюю стужу и едва не замерзший насмерть.

Небо не отвернулось от него.

Князь Нинъян устроил его в семью пожилых супругов, которые заботились о нем три года. На четвертый год доброе имя его отца было восстановлено, и Янь Шэнь написал письмо Хэ Юйху, старому другу семьи, занимавшему высокий пост в столице.

Господин Хэ оказался человеком благородным. Узнав, что сын его покойного друга жив, он немедленно забрал его в столицу и воспитал как родного, не делая различий между ним и собственным сыном.

Годы трудностей лишь закалили его.

Теперь Янь Шэню было двадцать один. Он стал Цзайсяном — вторым человеком в империи после Сына Неба. И всем своим нынешним величием он был обязан тем, кто когда-то протянул ему руку помощи. Каждую крупницу этой доброты он помнил и чтил.

Но всё началось в тот снежный день, когда маленький торговец по имени Лу Силай вытащил его из лап смерти.

«Маленький торговец... Как смешно». Торговец, способный одним почтовым голубем вызвать целого князя... Янь Шэнь был тогда слишком мал и наивен, чтобы заподозрить неладное.

И только Лу Силай — его спаситель, пустившийся в бега бог весть зачем, — сумел превратить благодарность Янь Шэня в жгучую обиду.

Он величественно спустился из терема и направился к рынку. Холодная усмешка тронула его губы, когда он увидел растерянного художника, окруженного блестящими клинками стражи. На душе стало чуточку легче.

«Лу Силай, сегодня я посмотрю, что отразится в твоём взгляде. Испуг? Или, быть может, радость?»

Стражники расступились, давая дорогу своему господину. Янь Шэнь вошел в круг.

— Лу Силай, в конце концов, я тебя нашел.

Наступила секундная тишина. Художник, которого окликнули этим именем, недоуменно склонил голову набок, а затем расплылся в подобострастной улыбке.

— О почтенный господин... Вы, должно быть, обознались. Маленького человека зовут Линь Яньдун.

— Линь Яньдун... — Янь Шэнь понимающе кивнул, словно смакуя это имя. Он подошел к лотку и небрежно взял один из вееров. — Прошу прощения. Кажется, я и впрямь ошибся.

— Ваше превосходительство мудры, — живо подхватил художник, отвечивая низкий поклон.

— Хм. — Янь Шэнь внезапно помрачнел. Он с силой швырнул свиток обратно на лоток и резко обернулся. Его лицо исказилось от гнева. — Лу Силай! Я теперь Премьер-министр империи! Неужели ты думаешь, что все эти семь лет я только и делал, что глупел?!

Увидев, что юноша разъярен, как сам владыка преисподней, книжник сжался от страха. На его лице отразилось крайнее смятение, он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

— Думаешь, тебе удалось исчезнуть бесследно? Я знаю о тебе всё! — Янь Шэнь наступал, чеканя каждое слово. — Семь лет назад ты сбежал из деревни Сяолян. В городе Цзянье ты объявился под именем Го Баньсяня — мошенника-гадателя. Годом позже всплыл в Цзиньлине как поэт Юинь, завсегда с кучей красных фонарей... Потом ты где-то скрывался несколько лет. И вот сегодня ты имеешь наглость торговать картинками прямо у меня под носом! Лу Силай, это мне так везет, или ты окончательно потерял страх?

Между ними оставалось всего несколько дюймов. Янь Шэнь остро и холодно смотрел в лицо противника.

Полная противоположность властному Цзайсяну, человек, называвший себя Линь Яньдуном, задрожал. Не выдержав напора, он рухнул на колени.

— Господин, за что на меня пал ваш гнев? Я не знаю никакого Лу Силая! Я лишь честный книжник, живу продажей своих скромных трудов. Как может простой ученый преступить закон?.. Молю ваше превосходительство, разберитесь, проявите милосердие!

Длинная, путаная речь, в которой, однако, каждое слово было направлено на то, чтобы откреститься от обвинений.

— Ты! — Янь Шэнь задохнулся от возмущения. — Ах ты, мерзавец! Решил до конца разыгрывать дурака?!

Не помня себя от ярости, он ударил ногой. Человек повалился на землю, но Янь Шэню этого показалось мало — он нанес еще несколько ударов.

— Господин Цзайсян, пощадите! Пощадите бедного человека! Я правда ничего не знаю!..

Получив неожиданную взбучку, мужчина закрыл голову руками, забыв о всяком достоинстве книжника. Он катался по пыли, выл и истошно вопил, моля о пощаде.

Если прислушаться, его вопли были исполнены особого мастерства: голос, подпитанный силой легких, звучал так громко и пронзительно, что титул «Господин Цзайсян» разнесся на сотню шагов вокруг, заставляя прохожих оборачиваться.

На рынке любая новость разлетается мгновенно, а уж такая забава, как облава, устроенная людьми из ведомства Премьер-министра, и вовсе не могла остаться без внимания.

Заметив, что вокруг собирается толпа, командир стражи Чэнь Кэ поспешно шагнул к Янь Шэню и вполголоса произнес:

— Господин Янь, здесь слишком много лишних глаз. Давайте заберем его в поместье.

Оглядевшись, Янь Шэнь с трудом подавил kloкочущую внутри ярость.

— В поместье его! — Он бросил последний испепеляющий взгляд на стонущего «Линь Яньдуна» и, резко развернувшись, зашагал прочь.

<http://bllate.org/book/17426/1691617>